

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. Н. МУРАВЬЕВА

М. Н. Муравьев (1757—1807 гг.) хорошо известен современным читателям и исследователям как поэт-сентименталист.¹ Проза, в том числе и исторические сочинения Муравьева, занимающие заметное место в его творческом наследии, исследованы значительно меньше. По ряду причин они выпали из поля зрения как литературоведов, так и историков, хотя представляют несомненный интерес для тех и для других.

Исторические работы Муравьевым с конкретной и весьма своеобразной педагогической целью — с 1785 по 1796 год он преподавал русскую словесность, русскую историю и нравственную философию внукам Екатерины II — Александру и Константину. В ходе подготовки к занятиям Муравьев делал многочисленные заметки, которые и легли в основу его исторических сочинений.

Сам Муравьев подготовил к печати очень мало из того, что написал в эти годы. Завершив преподавание, Муравьев издал небольшой сборник статей «Опыты истории, письма и правоучения» (1796). Большая часть статей Муравьева была издана по рукописям уже после его смерти. Посмертные издания готовили к печати его младшие современники, хорошо знавшие его и высоко ценившие сделанное им, — Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков.² Готовя рукописи к печати, они произво-

¹ В значительной степени это заслуга Л. И. Кулаковой, подготовившей к печати сборник его стихотворений (*Муравьев М. Н. Стихотворения*. Л., 1967) и написавшей о нем ряд работ.

² Исторические статьи Муравьева вошли в двухтомник «Опыты истории, словесности и правоучения» (М., 1810), подготовленный и отредактированный Карамзиным. Карамзин переиздал здесь «Опыты», дополнив их еще рядом статей, подготовленных к печати самим Муравьевым и известных в корректурных экземплярах (эти экземпляры с рукописной правкой Карамзина ныне хранятся в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве). Затем статьи по историческим вопросам были включены в трехтомник «Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева» (СПб., 1819—1820). Это издание готовили Жуковский и Батюшков. В него вошло многое (но далеко не все) из обшир-

дили их тщательный отбор и стилистическую правку. Это делает необходимым в целом ряде случаев обращаться к рукописям Муравьева для уточнения его взглядов на историю.³ Кроме того, ни в одном из этих изданий статьи Муравьева не датированы. Обращение к его рабочим тетрадям позволяет уточнить время написания его работ. В этих тетрадях Муравьев, как правило, записывал все подряд, и датированные записи дневникового характера перемежаются с черновиками исторических произведений. Анализ его рукописей и писем показывает, что Муравьев проявлял интерес к истории и философии уже в 70-е годы XVIII в., уже тогда он читал и даже пытался перевести Монтескье, собирався прочесть Кондильяка, но систематические занятия историей совпали для Муравьева с годами преподавания (1785—1796). Наиболее интенсивно записи учебного характера, посвященные проблемам истории, велись в конце 80-х гг. XVIII в. Письма Муравьева сестре за 1789—1791 гг., хранящиеся в Государственном историческом музее, тоже свидетельствуют, что именно эти годы были для Муравьева годами серьезных занятий историей и философией.

Кроме того, в цикле «Письма к молодому человеку», который писался в течение 1789—1791 гг.,⁴ Муравьев упоминает «рукописания наши, в которых заключается краткое начертание Российской Истории, мною для вас сделанное» (I, 378).⁵ Очевидно, Муравьев имел в виду именно свою статью «Краткое начертание Российской Истории» (опубликована в 1810 г. Н. М. Карамзиным). Таким образом, данная статья, содержащая основные положения Муравьева, повторяемые им также и в других работах, с большой долей уверенности датируется периодом с 1785 (год начала преподавания) по 1789 год. Именно на фоне поисков, которые вела русская историография 80-х—начала 90-х годов XVIII в., и надлежит рассматривать сделанное Муравьевым. Эти годы были важным этапом в становлении русской исторической мысли. Именно в эти годы происходил переход от накопления фактов к их осмыслению, к выяснению вопроса, в чем состоит специфика русской истории. Своих предшественников — Татищева, Щербатова, Болтина Муравьев прямо назвал «собираателями истории нашей» и противопоставил им историков-просветителей Монтескье, Мабли, Д'Аламбера (II, 110). В отличие от русских историкографов Муравьев не интересовался источниками, вообще не

ного рукописного наследия Муравьева, предоставленного в их распоряжение вдовой Муравьева Е. Ф. Колокольцевой.

³ Личный архив М. Н. Муравьева хранится в Отделе рукописей ГПБ (ф. 499).

⁴ См. примечание от издателей (I, 435) и упоминание о Яском мирном договоре 1791 года на последней странице цикла (I, 445).

⁵ Здесь и далее ссылки даются по изд.: Сочинения М. Н. Муравьева. СПб., 1847, т. 1—2. Переиздание осуществлено А. Смирдиным в серии «Полное издание сочинений русских авторов». Оно повторяет полное собрание сочинений М. Н. Муравьева 1819—1820 гг. Римская цифра означает том, арабская — страницу.

ставил себе задачи собирания фактического материала, он пытался на фактической основе, уже собранной русскими историографами, построить картину общего хода развития русской истории.

Педагогические задачи поставили Муравьева именно перед необходимостью создания краткого, просто и доступно написанного курса русской истории, живо и ярко освещающего основные события и характеры. Именно поэтому его труды заслуживают самого пристального внимания среди тех ранних попыток написания беллетризованного курса русской истории, которые непосредственно предшествовали «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Но при написании своих работ Муравьев встал перед необходимостью философского осмысления исторического прошлого России. Его раздумья легли в основу целого ряда небольших заметок теоретического характера. Этот материал дает возможность выявить философские представления Муравьева о мировой и русской истории и проследить, как он применил их к описанию конкретного фактического материала. Данная статья и пытается решить эту задачу.

* * *

В последней трети XVIII в. русская историческая мысль мучительно преодолевала односторонность и умозрительность концепций и методов историографии Просвещения, одновременно сохраняя все положительное, что в них имелось, и отнюдь не декларируя свой разрыв с просветительской традицией. От Просвещения был унаследован и основной круг проблем, и основная терминология, и основные понятия, в частности, идея исторического процесса и прогресса в истории. Таким образом, в России, как и в Европе, на базе просветительства происходило формирование более сложных, но генетически связанных с ним историографических концепций.

Эти процессы получили достаточно отчетливое выражение и в работах Муравьева. Становление его теоретических взглядов происходило под непосредственным и очень сильным воздействием французской просветительской историографии. Как выясняется, ряд небольших статей Муравьева является конспективным изложением работ французских просветителей, писателей и историков. Так, например, цикл «Тетрадь для сочинений» состоит из кратких пересказов любимых Муравьевым произведений и написан с целью упражнения в стиле: «Мы сделаем привычку писать. Нечувствительно слог наш образуется. Нет ничего полезнее упражнения... Возьмем из Фенелона... Приключения Али-Беговы... Некогда Аббас...» (I, 173).

Муравьев хорошо ориентировался в сложных идеологических течениях внутри французского Просвещения и вполне сознательно выбирал ту точку зрения, которая казалась ему наиболее убедительной. Он так обозначил традицию, оказавшую наибольшее влияние на его занятия историей: «Славные историки, современники

наши... Гюм, Робертсон, Гиббон, Монтескью, Мабли и сходствующий с ним одинаковостью вкусов, друг его и Жан Жаков, Кондильяк, люди верховного достоинства, обратили философию на изучение человека в обществе. Их сочинения, как простые и величественные драмы, имеют единство намерения, одно какое-нибудь великое преобразование человеческого рода, которое представляют они в полном свете, изъятое, так сказать, из среды тумана омрачающих его происшествий, недостойных уважения философа» (I, 309).

В этой статье наряду с французскими просветителями названы имена английских историков, труды которых привлекали русских ученых, поскольку именно они, по словам Н. М. Карамзина, «вливали в историю привлекательность любопытнейшего романа».⁶ Но для рассмотрения теоретических предпосылок трудов Муравьева необходимо выявить степень влияния на него перечисленных им французских историографов-просветителей и в первую очередь Монтескье. Именно Монтескье впервые описал реальное многообразие жизни народов мира и попытался выявить причины этого многообразия. Объективно труд Монтескье «О духе законов» (1749) был направлен против умозрительных и упрощенных представлений об истории, которые сводились к тому, что один народ отличается от другого только степенью просвещенности и должен рано или поздно пройти точно те же стадии развития, которые уже прошли «просвещенные» европейские народы. Приводимые Монтескье факты многообразия культурной, религиозной, общественной жизни у разных народов, которые он, правда, объяснял действием чисто внешних причин, способствовали отходу от этих представлений. Примером усвоения и использования труда Монтескье является статья Муравьева «Черты правоучения» (1789),⁷ в которой в тезисной форме изложены основные идеи французских просветителей. Приводимая в этой статье классификация и характеристика различных способов правления (монархического, деспотического, республиканского) основана на «Духе законов».⁸

Но наряду с фактами использования труда Монтескье в работах Муравьева есть случаи прямого несогласия с его идеями.

⁶ Карамзин Н. М. Избр. соч. в двух томах. М.; Л., 1964, т. 1, с. 574.

⁷ Черновой набросок этой статьи датирован самим автором 14 августа 1789 года. — См.: ГПБ, ф. 499, М. Н. Муравьев, № 28, л. 17—20.

⁸ Следует отметить, что в рукописной редакции этой статьи имеется зачеркнутый подзаголовок «Последуя Фергюсону» (см.: ГПБ, ф. 499, М. Н. Муравьев, № 31, л. 37), но труд шотландского историка и философа Адама Фергюсона «Наставления нравственной философии» (1769), действительно использованный Муравьевым в работе над этой статьей, в свою очередь является популярным изложением работ французских просветителей. В частности, к главе, в которой излагается характеристика различных способов правления, Фергюсон дает подстрочное примечание, в котором оговаривает, что этот раздел построен на материалах второй книги «Духа законов» (см.: Фергюсон А. Наставления нравственной философии. СПб., 1804, с. 43).

Этот момент полемики важен и интересен. На Муравьева сильное влияние оказало то крыло французского просвещения, представителей которого он тоже назвал в цитированном выше перечне, — Кондильяк, Мабли, Д'Аламбер. Именно они попытались осуществить внутри просветительства частичную смену методов, объявив борьбу спекулятивно-рационалистической метафизике. Объективно это означало переход от рационализма к эмпиризму, отказ от абстрактных принципов построения человеческого знания, от спекулятивных систем. Эти принципы были подвергнуты критике Кондильяком в его «Трактате о системах, в котором вскрываются их недостатки и достоинства» (1749). Позже, в годы работы над Энциклопедией, трактат, направленный против абстрактных систем Декарта и Лейбница, был несколько переосмыслен. Так, по словам Вольтера, «Кондильяк оказал огромную услугу человеческому уму, показав ложность *всяких* (курсив мой, — И. Ф.) систем».⁹ Д'Аламбер в предисловии к Энциклопедии тоже отметил, что «последние удары» по «вкусу систем, более способному льстить воображению, чем просвещать разум», были нанесены Кондильяком.¹⁰ Муравьев, бесспорно, был знаком с этим кругом идей, что и проявилось в его оценке теории «географического детерминизма» Монтескье. Муравьев рассмотрел эту теорию в статье «Гражданские установления»: «... систематическая теория относит частные происшествия к немногим главным правилам, которые должны быть всегда постоянными и верными, невзирая на перемену обстоятельств. Сей способ имеет неоцененное преимущество сократить учение и поставить нас на возвышенное место, с которого одним взором можно объять неизмеримое пространство. Сияющий дух президента Монтескье предпринял положить сей способ к учению законов. Последуя различию правлений и климатов, он ... старался истолковать из одного начала являющиеся противоречия законов. Но преткновение человеческого разума в произведении систем состоит в том, что одно любимое мнение ... служит основанием оных и с падением своим повергает все здание. Таково есть мнение Монтескье о чрезвычайном влиянии климатов, которому он подчиняет некоторым образом понятия справедливого и несправедливого и которое осудило бы некоторые народы на всегданнее варварство и изнеможение» (II, 199—200). Кондильяк тоже сравнивал абстрактные системы с дворцами, «которые покоились бы на ненадежном фундаменте».¹¹

Об этом недоверии Муравьева к абстрактным системам, к рационалистическим построениям писал Г. А. Гуковский: «Вся сумма высказываний Муравьева о человеке, о бытии, об искусстве ... показывают, что для Муравьева рухнули все опоры абсолют-

⁹ Цит. по: Ситковский Е. Предисловие. — В кн.: Кондильяк Э. Б. *де*. Трактат о системах. М., 1938, с. 14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 166.

ных критериев мысли. Крушение социальной веры в неизбежность схемы, созданной „разумом“ дворянских либералов, сопровождалось крушением веры в неизбежность, т. е. в общеобязательность, схем и вообще построений разума. Разум, логика как основы, дедукция как метод подвергаются сомнению. Сомнение в истине того, что казалось отцам единственно истинным, — это исходный пункт мироощущения и мировоззрения школы Муравьева-Карамзина.¹² Оценка Гукковского справедлива, но, очевидно, эти явления были характерны и для европейского и для русского общества. Как писал Ю. М. Лотман об идеологических процессах конца XVIII в.: «Многие чаяния и верования ... показали себя наивными. Пожалуй, самым основным среди вновь раскрывшихся перед современниками, прежде неизвестных им качеств была сложность».¹³

Идеологические процессы, отражающие определенный кризис методологии просвещения, имели и положительный смысл. Именно так выработывалось доверие к факту, предпочтение факта системе, что постепенно подводило к отходу от умозрительных, механистических представлений.

Эта же смена не столько концепций, сколько методов очень отчетливо проявилась и в историографии. Русская историография последовательно применяла просветительские концепции при рассмотрении хода русской истории. Это зачастую приводило к своеобразной «проверке» просветительских идей фактами русской истории.¹⁴

В работах Муравьева тоже проявилось доверие к факту, уважение к чужой точке зрения. В статье «О истории и историках» Муравьев сформулировал мысль об относительности, об исторической обусловленности любых оценок: «Понятия о силе царств и народов, нынешним временам свойственные, неправо прилагаются к происхождению первых обществ» (I, 312). Это можно рассмотреть как прямой призыв к историзму в оценке человеческого прошлого.

В черновых записях Муравьева есть еще одно интересное возражение Монтескье, свидетельствующее, что этот круг проблем интересовал его постоянно. Муравьев пишет: «Старые обычаи и по тому уже худы, что они стары. Они были очень хороши в свое время и были сообразны просвещению, правительству, нравам народов. А Монтескье говорит, что возвратить народ к древним его обычаям есть его поправить и возродить к новой жизни».¹⁵ Му-

¹² Гукковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, с. 270—271.

¹³ Лотман Ю. М. Русская поэзия 1800—1810 гг. — В кн.: История русской поэзии. Л., 1968, т. 1, с. 191.

¹⁴ См.: Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма... — Наст. изд., с. 32—41.

¹⁵ Это рассуждение записано в бумагах Муравьева дважды: один раз в тетради, которую он вел еще не будучи преподавателем, в 70-е годы

равьев имеет в виду VII главу 5 книги трактата Монтескье «О духе законов», где говорится: «Нравы много выигрывают от этой приверженности к обычаям старины. Призвать людей к законам старины значит в большинстве случаев возвратить их к добродетели».¹⁶ Полемика с Монтескье велась, таким образом, с точки зрения представлений об относительности и исторической обусловленности любых оценок.

С точки зрения этих же представлений Муравьев сформулировал возражения против широко известной концепции Руссо, который утверждал, что науки и искусства не способствовали счастью людей. Муравьев подчеркивает, что эта проблема не имеет однозначного решения: «Какое дарование, какое невиннейшее свойство не было когда-нибудь унижено и обращено во вред? Страсти, разум, желание похвалы, любление общества, вольность, законы, средства благополучия часто теряли благотворительность свою в руках человека. Сие беспрестанное сражение паче побуждает общее шествие человеческого рода».¹⁷ Во втором томе «Идей к философии истории человечества» (издан в 1786 г.) Гердер писал: «Гораздо более трудный вопрос: как науки и искусства способствовали счастью людей? Я думаю, что на этот вопрос нельзя ответить просто — „да“ или „нет“, потому что и здесь все дело в том, как люди пользуются изобретенным и найденным».¹⁸ Запись Муравьева не датирована, но находится в тетради, которую он вел в годы преподавания, в конце 80-х годов XVIII в. Скорее всего эта запись свидетельствует не о непосредственном усвоении Муравьевым идей Гердера, а о том, что Муравьев был тесно связан с общеевропейскими идеологическими процессами, нашедшими свое наиболее полное выражение в творчестве Гердера.

Методологические изменения в подходе к истории сфокусировались в постепенном усложнении идеи прогресса, которое подготавливало появление понятия органического развития.¹⁹ В ряде статей Муравьева отчетливо видны следы влияния тех работ французских просветителей, которые рассматривали человеческую историю как историю постепенного прогресса и распространения человеческого разума. Таких работ было много. Достаточно назвать «Историю ума человеческого» (1746) Э. Б. де Кондильяка, «Последовательные успехи человеческого разума» (1750) А. Р. Тюрго, «Очерк исторической картины прогресса человеческого разума» (1794) Ж. А. Кондорсе. Очерк общего хода развития человеческой истории, данный Муравьевым в статье «Успехи челове-

XVIII в., и второй раз в писарской копии его произведений, сделанной при подготовке издания 1819—1820 гг. (см.: ГПБ, ф. 499, Муравьев М. Н., № 37, б/п и № 31, л. 186).

¹⁶ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955, с. 202.

¹⁷ ГПБ, ф. 499, Муравьев М. Н., № 39, с. 98.

¹⁸ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977, с. 244.

¹⁹ См.: Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма... — Наст. изд., с. 10—13.

ческого разума», прямо восходит к этому кругу идей: «Южные страны Азии прежде других земель видели первую зарю просвещения. ... Оттуда основания искусств перенесены в Грецию. ... Греки сохраняют над покорителями своими (римлянами, — *И. Ф.*) свое влияние, которое дает превосходство просвещения. Их философия и письмена распространяются по вселенной с оружием римлян. Во время Августова человеческого разум достиг вторично высоты своего совершенства. Империя римская рушилась огромною и веками развращения. Просвещение было везде подавлено, разум ожесточен и презрен. ... Векам должно было уврачевать приключенное зло. ... Крестовые походы достигли несовершенно предполагаемой цели; но они имели нечаянное влияние на нравы и состояние общества в Европе. Усыпленный разум человеческого рода стал чувствительно пробуждаться. Писания Августова века были извлечены из праха, и Петрарк с благоговением читал Вергилия. XII век можно поставить точкою, до которой продолжалось унижение человеческого разума и с которой началось обратно постепенное возвышение оного» (II, 276—279).

Муравьев сохраняет идею поступательного в целом хода исторического развития, однако вслед за рядом энциклопедистов отходит от представления о Греции как об единственном очаге цивилизации и отмечает преемственность азиатских и европейских культур.²⁰

Кроме того, Муравьев не рассматривает Средние века как период непроглядного мрака, смыкаясь с теми из просветителей, которые, как, например, Жокур, «полагали, что уже с XII в. в Европе начался новый подъем».²¹ Но эти существенные уточнения не меняют главного — того, что мировая история рассматривается как движение «разума», «просвещения», хотя и в своеобразном диалектическом преломлении (разум распространяется независимо от субъективных человеческих желаний, благодаря объективным обстоятельствам — «нечаянно» или «с оружием римлян», что только подчеркивает неизбежность самого процесса его распространения).

В одной из черновых записей Муравьев еще раз вступил в полемику с Руссо, выразив прямое несогласие с точкой зрения, ограничивающей беспредельность прогресса: «Приписывать совершенству письмен и наук падение государства кажется все равно, что принимать обстоятельство за причину. Рассуждая таким образом, утверждать бы можно было, что достижение совершеннолетия есть причина смерти человека».²²

²⁰ См.: Люблинская А. Д. Историческая мысль в Энциклопедии. — В кн.: История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978, с. 246, 251.

²¹ Там же, с. 240.

²² ГПБ, ф. 499, Муравьев М. Н., № 39, л. 98. Эта мысль показалась Муравьеву настолько важной, что он еще раз записал ее в другой тетради (см. № 28, с. 34).

Но наряду с таким последовательным изложением идеи прогресса в рассуждениях Муравьева легко обнаруживается влияние «гипотезы, выдвинутой Гердером вслед за Вико о том, что нации Европы последовательно сменяли одна другую в миссии ведущих за собой человеческую культуру».²³ С точки зрения этих представлений расцвет и упадок одной культуры сменяется расцветом и упадком другой. В одной из черновых записей Муравьев писал: «Есть некоторый отлив и прилив в совершенстве нравов и обращений человеческого общества».²⁴ В «Разговорах мертвых» Муравьева диалогу Кия и Ромула предпослан следующий тезис: «Все народы вселенной изникают из варварства в последствии времен, и дошед некоторой известной точки, низвергаются паки и уступают место другим» (I, 247). В том же диалоге Ромул рассуждает: «Я вижу, что каждый народ сияет поочередно на позорище вселенной и что слава вместе с просвещением обтекает весь земной шар» (I, 248).

Муравьева устраивали обе вышеупомянутые концепции исторического движения, поскольку, с точки зрения любой из них, Россия могла быть рассмотрена как страна, быстро и бурно развивающаяся, готовая рано или поздно не просто догнать, а превзойти развитые европейские страны. В «Разговорах мертвых» Олег говорит Рюрику: «Мне кажется, что Россия займет когда-нибудь сияние Древней Греции» (I, 253). Здесь Муравьев опять отчасти смыкается с Гердером, дополнившим в ранних работах «руссоистскую критику выродившейся современной цивилизации программой культурного обновления через посредство молодых народов».²⁵ Но попытавшись оценить с точки зрения этих представлений общий ход русской истории, Муравьев встал перед необходимостью доказать, что Россия является полноправным членом европейского сообщества наций, хотя ее история и ее культура внешне непохожи на европейские. Целый ряд высказываний Муравьева свидетельствует, что он вплотную подошел к мысли о качественной специфике и самоценности культуры любой страны. Отход от механистических представлений о культуре, получивший свое наиболее полное выражение в работах Гердера, был важным завоеванием европейской философской мысли.

Следует отметить, что здесь мы имеем дело не с усвоением Муравьевым идей Гердера, а с самостоятельным интересом к тому же кругу проблем. Весьма характерно, что в письме к сестре, написанном 11 февраля 1781 г., Муравьев так писал о французских и итальянских комедиях: «Может быть, общество в Италии не таково, как оно во Франции. Другие нравы, другие предрас-

²³ Данилевский Р. Ю. И. Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России. — В кн.: Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980, с. 201.

²⁴ ГПБ, ф. 499, Муравьев М. Н., № 39, с. 12.

²⁵ Жирмунская Н. А. Историко-философская концепция И. Г. Гердера и историзм Просвещения. — См. наст. изд., с. 94.

суждения, иное правление и природа, так и картины оного не могут походить друг на друга». ²⁶ Кроме того, над этим кругом проблем Муравьев мог задуматься еще ранее, летом 1777 г., прочитав роман Ж. Ф. Мармонтеля «Инки» (1777), который произвел на него огромное впечатление. ²⁷

В этом романе изображено именно столкновение двух типов культур, их взаимодействие, роковое для одной из сторон. Инки описаны в нем этнографически, не как «варвары», не как идеализированные «естественные люди», хотя отголоски такого подхода в книге есть, а как представители качественно иной, но имеющей такое же право на существование, как и испанская, цивилизации. Жестокость, варварство испанцев автор в предисловии мотивирует их «неистовым суеверием», под которым он понимает «дух гонения, не терпящий разномыслия с собою». ²⁸ Отголоски этих мыслей несомненны в «Разговорах мертвых». Ольга так объясняет свою жестокую месть древлянам: «Я исполняла добродетель язычества, ежели священное имя добродетели без осквернения может быть приложено ко мщению. Я действовала по несправедливым понятиям воспитания моего и народных нравов» (I, 254).

Мысль о качественном своеобразии и самоценности каждой культуры смыкалась с мыслью о качественном своеобразии каждой эпохи исторического прошлого: «Мгновенье каждое имеет цвет особый», ²⁹ — писал Муравьев еще в 1775 г.

Очень важно, что у Муравьева в одной и той же статье (открывающей цикл «Письма к молодому человеку» (1789—1791 гг.)), встречаются и отголоски просветительского отношения к прогрессу, и призыв исследовать качественное своеобразие каждой эпохи исторического прошлого, близкий Гердеру: «Те токмо происшествия заслуживают все наше внимание, которые были степенями или препятствиями народного восхождения от дикости и невежества к просвещению и знаменитости. Особливо достойны внимания наблюдателя нравы, владычествующий образ мыслей, успехи общества, правила, заблуждения, обряды, которыми отличается каждое столетие. Таким образом, история какого-либо народа есть лучшее истолкование умоначертания его» (II, 379—380).

В работах, описывающих общий ход развития России, отчетливо видны следы влияния этих двух подходов. Муравьев рисует русскую историю как постепенный, тернистый подъем по пути прогресса и просвещения, но одновременно настойчиво и последовательно пытается разобраться, в чем состоит качественная специфика русской культуры, каковы причины своеобразия каждой из эпох ее исторического прошлого.

²⁶ РО ИРЛИ, Р II, оп. 1, № 261, л. 19.

²⁷ См.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 271, 282, 333, 340.

²⁸ Мармонтель Ж. Ф. Инки. М., 1801, т. 1, с. III.

²⁹ Муравьев М. Н. Стихотворения, с. 137.

При выяснении этого вопроса Муравьев плодотворно использовал метод выявления соответствий между фактами истории России и истории развития европейских стран. Поиски такого рода соответствий между событиями мировой и русской истории были, по мысли С. Л. Пештича, важным моментом в становлении историзма в России.³⁰ Такой подход помогал исследователям осознать, в чем состоит своеобразие исторического пути России. Сходство подчеркивало различия. Но сравнения зачастую носили поверхностный, внешний характер. Муравьев же использовал этот метод для построения достаточно сложных концепций культурного обмена. В статье «Слабость удельного правления» Муравьев писал: «Как египетские выходцы, нападающие морем на берега Эллады, полагают в Греции основания монархий, так славяне призывают добровольно правителя из варягов. Походы славянские под Царьград вспоминают ополчение греков под Трою. Но сие происшествие в Греции последовано было переменою правления: Россия заимствовала от просвещеннейших неприятелей веру и нравы... Греция была всегда разделена на особые общества и правления так, как Россия после Владимира. Но разделение Греции было для нее менее пагубно» (I, 345—346). Кроме того, Муравьев параллельно, как фон, обрисовывает ход развития европейских стран в соответствующую эпоху.

Повторяя тезисы, уже выдвинутые русской историографией, Муравьев постоянно вводит такого рода соотношения. Так, повторяя упорно отстаиваемую русскими историками, от Ломоносова до Карамзина, мысль о «прекрасной», «бодрой» юности русского народа, Муравьев в «Письмах к молодому человеку» соотносит этот период расцвета с одновременным упадком европейских стран: «Народ славянский, будучи, по свидетельству истории, просвещеннее окружавших его пастырских народов, имел уже гражданские установления и угрожал войною или соревновал в сиянии упадающей державе Константина. В периоде безотрадном и темном, в котором томилась Европа, Новгород привлекал сокровища Севера и Востока, поражал славою отдаленные народы и полагал основания буйственной вольности своей» (I, 378).

При этом Муравьева интересуют и причины этого расцвета, и события, задержавшие впоследствии историческое развитие России. В статье «Краткое начертание Российской Истории» (1785—1789 гг.) он пишет: «Просвещение, рано принесенное из Греции, не могло быть приведено в совершенство в беспрестанном прении о владычестве и после под губительным игом варваров» (II, 9).

Но Муравьев не просто отмечал черты сходства и различия в культуре разных народов, а пытался рассмотреть именно факты взаимного влияния качественно разнородных культур. Французские просветители учитывали возможность влияния только более развитого народа на менее развитый. Тюрго, например, в статье

³⁰ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965, т. II, с. 85.

«Последовательные успехи человеческого разума» (1750) исходил из того, что все народы развиваются по одной схеме, но разными темпами. Поэтому при соприкосновениях народов «варвары» «в силу естественной власти разума и просвещения над грубой силой были побеждены духовно, и невежество среди них беспрестанно уменьшалось». ³¹

Картина, набросанная Муравьевым, значительно более сложна именно потому, что Муравьев уже вплотную подошел к мысли о качественной специфике каждой отдельно взятой культуры. В «Разговорах мертвых» Олег говорит: «Я хотел приблизиться к Греции, родительнице наук и художеств. Хотя она была уже в упадке, но остатки их еще могли украсить обычаи народа простого и воинственного. Я видел Север и Запад, покрытые общевойсковым варварства. Просвещение могло удобно проникнуть в Россию из Греции всеми способами сообщения, путешествиями, торговлею, самою войною» (I, 253). Россия, таким образом, унаследовала греческую культуру, а Европа пошла по другому пути. Такого рода соображения свидетельствуют, что Муравьев пытался преодолеть механистические представления о культуре.

Последовательно обосновывая мысль о расцвете Древней Руси, Муравьев встал перед необходимостью сформулировать свое отношение к Новгородской республике. Этот вопрос его очень живо волновал. Новгород затронут в целом ряде статей. Муравьев постоянно подчеркивает процветание древнего Новгорода: «Четыре столетия процветал новый Славенский град успехами военными и спокойными выгодами земледелия и торговли. Обитатели крайнего севера, шведы, нормандцы, смотрели на него с почтением и завистью» (II, 5—6). Факт наличия в Древней Руси такого высококультурного государства, как Новгородская республика, сыграл огромную роль в преодолении русской исторической мыслью механистических представлений об историческом процессе как о переходе от «варварства» к «просвещению». ³²

В статье «Древние области Новгорода» Муравьев так описал республиканский способ правления: «Новгород составлял особую и почти независимую область в государстве, производя особенные войны и делая завоевания. Город имел степенных посадников, которые составляли выборный совет. На Ярославле дворе были большие советования народа по знаку колокола, называемые вечею, — обычай и право, уничтоженные Великим Князем Иоанном Васильевичем...» (II, 112—113). Наиболее четко Муравьев сформулировал мысль об особом месте, которое занимала в Древней Руси Новгородская республика, в черновом наброске: «Новгород имеет свою историю, отличную от истории государства. Пределы его были пространны несравненно более тех, в которые заключает

³¹ Тюрго А. Р. Избранные философские произведения. М., 1937, с. 58.

³² См.: Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма... — Наст. изд., с. 39—41.

их наместничество. Поморье даже до Сибири составляло пределы республики. Другие правила, другие чувствования, неизвестные в прочей России, не покровительствуемые никаким превосходным градоначальником, уступили власти Иоаннов...»³³

Для уточнения взглядов Муравьева на Новгород необходимо рассмотреть его отношение к проблеме сравнительных достоинств и недостатков различных способов правления.

Непререкаемым авторитетом в России в те годы пользовалась классификация способов правления и их оценка с точки зрения моральных критериев, разработанная Монтескье в «Духе законов». Муравьев тоже усвоил именно эту классификацию, о чем свидетельствует его уже упоминавшаяся статья «Черты правоучения» (1789). Но при рассмотрении этой проблемы необходимо учитывать, что в понятие республики разные просветители вкладывали разный смысл. Следует отметить, что, по мнению современного французского ученого Ж. Варло, в трактате Монтескье, «несмотря на ясно выраженное предпочтение монархическому режиму английского типа, республиканский режим исследован с большим вниманием, интересом, симпатией, чем монархический, он предстает под пером Монтескье как идеальный режим, который несет с собой счастье народам».³⁴ Представление о республике как о прекрасной утопии усвоил, в частности, Карамзин.³⁵

В этой связи крайне интересна статья Муравьева «Полезны и затруднены государственного знания». Муравьев прямо полемизирует именно с утопически-республиканскими идеями: «Целый народ ученых или прелводителей не может существовать нигде, кроме в воображении. Многие из них (древних, — *И. Ф.*) начертали, как Платон, по изволению, вымысленный образ самого лучшего правления. Ликург более сделал: он превратил граждан своих в другой народ, в умствовании созданный» (II, 191—192).³⁶

Муравьев, не ставя под сомнение мысль о превосходстве республиканского способа правления, усвоил идеи тех французских просветителей, которые считали, что такое правление возможно только при наличии самоотверженного правителя — законодателя и добродетельной народной массы.

С точки зрения этих представлений, Новгородская республика была обречена: «В недре его самого (Новгорода, — *И. Ф.*) таились вредные начала разорения: безначалие буйной черни и алчность сильных» (II, 6). Здесь сказалось отчетливое влияние Мабли, который опасался и неограниченного деспотизма и пря-

³³ ГПБ, ф. 499, Муравьев М. Н., № 70, л. 8.

³⁴ Варло Ж. Монтескье. — Вопросы философии, 1953, № 5, с. 128.

³⁵ См.: Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина. — В кн.: Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1966, с. 9.

³⁶ Высокая оценка Ликурга восходит, очевидно, к Мабли. См.: Лотман Ю. М. Радищев и Мабли. — В кн.: XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958, с. 285, 289, 291, 292.

мого народовластия.³⁷ В «Разговорах мертвых» Гостомысл говорит Ярославу I: «Не считал ли ты их (новгородцев, — И. Ф.) достойными вольности прежде, нежели ум их мог ею пользоваться? Не дал ли ты им своеволия вместо вольности. Вольность без законов существовать не может. Я был свидетелем всех бедствий безначалия. Каждый отделял благополучие свое от общего блага. Каждый хотел быть счастливым один и со вредом для других. Взаимные обязательства гражданина не были установлены. Ужасное право сильного губило всех поочередно» (I, 249—250). Муравьев не отрицал, что установление единовластия имело благие последствия для России, но именно потому, что новгородцы, как князья, так и народ, еще не созрели для добродетельной республиканской жизни. Здесь несомненно также влияние Монтескье, который утверждал, что истинная вольность состоит в добровольном подчинении законам общества. В противном случае в обществе, по мысли Монтескье, царит «право силы» и личность эгоистически противопоставляет свои интересы интересам общества.

Излагая дальнейшие события русской истории, Муравьев неоднократно возвращался к проблеме эгоизма правящей верхушки. Губительные следствия феодальной раздробленности он прямо описывал как результат эгоизма князей: «Князья, которых лучшее звание состоит в том, чтоб устроить благополучие государства, губили оное междуусобиями. Были из них недостойные имени князя и человека (ибо великая порода не защищает от пороков сердца); были такие, которые оскорбляли неистовствами священные права природы и которых история предаст омерзению потомства. Удельные князья требовали равной власти и устремлялись к независимости» (II, 23).

Эти причины, по мысли Муравьева, привели к тому, что как раз тогда, когда «в Европе редела тьма невежества от первых лучей просвещения, Россия погрузилась в величайшее несчастье, которое народу приключиться может: в порабощение варваров» (II, 19). Высокий культурный уровень, просвещение оказались недостаточной гарантией для преуспевания, и менее развитый народ оказался более жизнеспособным. Именно с этого момента, по мысли Муравьева, окончательно разошлись пути Европы и России.

Но, последовательно проводя прием сопоставления событий русской и мировой истории, Муравьев подчеркивает и различие: «Сие несчастье, постигшее народ российский в первой его юности, не истребило в нем совершенно внутренней силы, как то случилось при подобном порабощении Рима и Греции северными варварами» (II, 36).

Интересно, что Муравьев отметил и факт обратного влияния менее развитого народа на более развитый. Он пишет о монголо-татарах: «Без сомнения, обращение с татарами имело влияние на характер народа. Присвоение восточных обыкновений изменило

³⁷ Там же, с. 285, 291.

чистоту российских нравов. Заимствовались нечувствительным образом обряды, одеяния, увеселения. Оттуда можно произвести сей недостаток уважения высшего состояния людей к низшему и трудолюбивому, сии изъявления рабского почтения, унижающие человека, обращение к правосудию с приношением даров» (II, 36—37). Эти рассуждения при всей их пафосности тоже свидетельствуют, что Муравьев пытался строить достаточно сложные модели взаимодействия культур. Муравьев особо подчеркнул, что влияние ига более всего коснулось князей: «Князья, утверждаемые на престолах политикою татар, препирались о позорной чести владеть в отечестве, воздыхающем под игом варваров. Междусобие, соединяясь с духом варварства, сделалось еще свирепее» (II, 24). Но, рассуждая о татарах, Муравьев не забывает подчеркнуть, что «татары, ныне полезные граждане, умножают население России и упражняются в миролюбивых трудах земледелия и торговли» (II, 37—38). Муравьев пытается обрисовать взаимодействие двух народов на протяжении столетий их исторического развития и ни в коей мере не переносит отношение к древним завоевателям на современных представителей этой нации.

Набрасывая свой очерк развития русской истории и русской культуры, Муравьев довел его до эпохи царствования Ивана Грозного и событий Смутного времени. Эта эпоха описана им в целом ряде статей, рассмотрение которых выходит за рамки данной работы. Эти статьи интересны как попытка беллетризованного описания исторических событий и характеров исторических деятелей. Теоретические проблемы при описании этого периода Муравьев почти не затрагивает.

Характеристика исторических взглядов Муравьева была бы неполной без выяснения вопроса об его отношении к петровским преобразованиям. Эта проблема, имеющая непосредственное теоретическое значение, затронута Муравьевым в целом ряде статей, из которых наиболее интересна статья «Присвоение европейских нравов». В ней Муравьев развивает популярную в европейской историографии XVIII в. мысль о том, что европейские государства образуют некое единство, систему государств: «...все европейские народы представляют некоторое соединенное общество, признающее некоторые известные правила в мире и войне, сообразующееся с одной общественной пользою и отличающееся от всех других народов одним образом мыслей, просвещением, верою и вежливостью» (II, 131). Муравьева живо волновал вопрос о месте России в этой системе государств. Он утверждал, что именно благодаря деятельности Петра I Россия вошла в это общество в качестве полноправного члена: «Европа приобрела новую страну — и какую страну?» (II, 130). Но в этой же статье Муравьев попытался оценить сделанное Петром в связи с целым рядом сложных вопросов. Муравьев, бесспорно, прекрасно ориентировался в полемике по поводу оценки личности и деятельности Петра, которую вели в течение всего XVIII в. русские и фран-

цузские ученые. Вольтер, в частности, считал, что Петр исключительно силой своего гения извлек из мрака невежества целую огромную страну. Согласно точке зрения Руссо, Петр тоже действовал один и при этом произвольно направил развитие страны отнюдь не идеальным образом: «...хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских». ³⁸ Монтескье рассматривал эту проблему глубже: он попытался выяснить, как соотносились действия Петра с положением дел в допетровской России. При этом Монтескье пришел к выводу, который настолько заинтересовал Екатерину II, что она практически дословно перевела его в своем «Наказе»: «Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали с климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал». ³⁹

Муравьев в своей статье перечисляет все существующие точки зрения, уже этим перечислением подчеркивая их односторонность: «... царствование Петра Великого представляет поводы к важнейшим размышлениям. Один человек перемениет совершенно вид иностранного государства, приобретает толь неодолимую власть над другими и над собою, что заставляет отказаться от обычаев и правов, в которых народы воспитаны были с младенчества, и столь же удобно вливает в них понятия новые и необыкновенные. Какие причины, нравственные и политические, вспомоществовали предприятиям государя? Нашел ли он, как некоторые думают, в самом народе российском неожиданную удобность принять европейские нравы? Или непреодолимое трудолюбие Петрово довольно для изъяснения сего важного происшествия? Государь ограничил себя должностию подражателя, когда мог быть сам зиждителем народного умоначертания. Не последую одеянию и обращения немца и англичанина, россиянин мог участвовать в просвещении их и науках. То, что было похвально в российских нравах, несмотря на внешность, должноствовало бы остаться без перемены. Что в искусствах и упражнении, думают они, ежели гражданин сделался равнодушен к отечеству своему... Сообразен ли был с истинною политикою сей поступок государя Петра I принудить народ к принятию иностранных нравов или сей великий человек сам увлечен был слепым пристрастием к подражанию иностранного? Вот важные вопросы, достойные обратить на себя внимание всякого мыслящего человека» (II, 136—138). Этой фразой статья и заканчивается. Муравьев даже не пытается дать ответ на поставленные вопросы.

³⁸ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 183.

³⁹ Наказ ея императорского величества Екатерины втория, данный комиссии о сочинении нового уложения. СПб., 1770, с. 6.

Двойственное отношение к Петру, возможно, объясняется тем, что в своих теоретических представлениях Муравьев вплотную подошел к понятию органического, спонтанного развития и мог увидеть в реформах Петра попытку насильственно миновать какие-то стадии развития. В этой связи представляет интерес пересказ Муравьевым романа известного французского просветителя аббата Бартелеми «Путешествие Анахарсиса» (1788), который включен в цикл «Тетрадь для сочинений». Но в пересказе концовки романа Муравьев отходит от сюжета Бартелеми, который описывал, как молодой скиф, вкусив плодов цивилизации в Греции, вернулся на родину и «нашел спокойствие у такого народа, которому известны одни только богатства природы». ⁴⁰ Это же развитие сюжета мы находим и в рецензии на роман, переведенной Карамзиным. ⁴¹ Но, как известно, Геродот в своей «Истории», которая и служит основным источником сведения об Анахарсисе, приводит и другие версии его биографии. По одной из версий его убили соотечественники «во время попытки совершить эллинский религиозный обряд». ⁴² Еще один вариант гласит, что, вернувшись на родину, Анахарсис «поплатился жизнью за попытки эллинизировать своих соотечественников». ⁴³ Муравьев близок к этой версии, хотя и не описывает гибели героя. В своем пересказе Муравьев обратил особое внимание именно на столкновение двух культур, двух образов жизни и на преждевременность попытки Анахарсиса. Анахарсис «уступает нескромному усердию перенести в лоно его (отечества, — *И. Ф.*) учреждения Греков» (I, 201), приглашает племена к культуре и просвещению, к переходу от понятий варварства. Но после его слов «шум неудовольствия пробежал по собранию. Освирепели взоры скифов и колчан за спинами их зазвенел. Опечаленный, Анахарсис оставил времени начать и совершить великое дело просвещения» (I, 202).

Но как бы ни оценивал Муравьев итог петровских преобразований и ту направленность, которую в результате этих преобразований приняло развитие России, он осознавал, что пути назад нет, что Россия прочно вошла в систему европейских государств и ее будущее неразрывно связано с ними. Причем в оценке этого будущего Муравьев был далек от оптимизма. В статье «XVIII век» (1794—1796) ⁴⁴ Муравьев, как и многие его современники на рубеже столетий, попытался подвести итоги века, «отличие» которого составляли «важные политические происшествия, великие

⁴⁰ *Бартелеми Ж.-Ж.* Путешествие младшего Анахарсиса по Греции. СПб., 1809, т. 6, с. 563.

⁴¹ См.: Московский журнал, 1791, ч. III, кн. 2, с. 211.

⁴² *Геродот.* История. Л., 1962, с. 206.

⁴³ См.: *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1890, т. 2, с. 713.

⁴⁴ В статье упомянут Суворов, который «наступает на развалины Праги» (I, 359), а о Екатерине II говорится в настоящем времени. Таким образом, работа над статьей происходила не ранее 1794 и не позднее 1796 года.

шаги к просвещению, сияющие заблуждения, огромные преобразования!» (I, 358), и представить, что сулит будущее. При этом он снова вернулся к мысли о Европе как о системе государств: «Государства европейские, связанные между собой превосходством учреждений, искусств, просвещения, взаимным страхом, пользами купечества, равновесием политики, одинаковыми нравами, приучаются считать себя большими отделениями одного политического сообщества. Но улование общего мира, общего благополучия — сии добродушные сновидения аббата Сен-Пьера, вероятно, никогда не сбудутся. Уже ступились тучи... Но провидение, устрояющее все во благо, не позволяет гаданиям нашим предупреждать неисповедимых определений своих. Пристрастие к тому веку, в котором существуем, представляет нам лестное искушение подумать, что он привлечет на себя любопытство последующих. Воспользовавшись успехами в просвещении веков семнадцатого, шестнадцатого, пятнадцатого, конечно, нам осьмнадцатый должен был представить любопытнейшую картину, которую, может быть, превзойдет последующий: дай бог, чтоб сии успехи соединены были с истинными пользами человечества и добродетелей!» (I, 359—360). Раздумья Муравьева вызваны «Проектом вечного мира» (1716) Шарля Ирины де Сен-Пьера (1658—1743), который был широко известен в кратком и очень вольном изложении Руссо (1761), а также благодаря «Суждению о вечном мире», которое под влиянием Сен-Пьера написал сам Руссо (около 1756 г., издано в 1782 г.).

Так связывались в раздумьях Муравьева прошлое, настоящее и будущее.

Подводя итоги, следует сказать, что исторические работы Муравьева неопровержимо свидетельствуют, каким широким был фронт формирования новых идей в понимании истории. Именно этим они и интересны. Муравьев не был и не считал себя профессиональным историком, но, как выясняется, процесс выработки новых представлений об историческом прошлом и новых методов постижения истории захватывал отнюдь не одних только историков и философов. Решая достаточно локальную педагогическую задачу, Муравьев не только усвоил лучшее из достигнутого европейской научной мыслью, но и в какой-то степени самостоятельно сформулировал целый ряд выводов, которые в те годы еще только осваивались европейской философией. Именно поэтому рассмотрение его работ расширяет и уточняет наши представления об особенностях и закономерностях формирования в России системы взглядов, именуемой историзмом.